
Анатолий ВАЛЕВСКИЙ

АРИСТОКРАТКИ

Рассказ

Городу, украсившему мое сердце, посвящается

Мое детство — жизнь между двумя божьими одуванчиками, между двумя старушками, потому что маме всегда было не до меня, а папе — уже не до меня. Чтобы я не мешал им устраивать личную жизнь, с шести лет меня сплавляли в «стардом» к тетушкам, проживающим в соседнем доме. Очень удобно — я рядом и в то же время никому не мешаю.

Ссылка меня устраивала. Я не слышал, как стены родительской квартиры сотрясались от выяснения их отношений, а, по словам тетушек, делали они это часто и бурно. Старушки считали, главная проблема моей матери в ее иступленном умении резать «правду-матку в глаза», особенно там, где в ней не нуждались. Зачем было говорить начальнице открытым текстом, что та дура? Можно было подать эту любопытную мысль более завуалированно. Тетушки не один раз просвещали маму, что дураков на свете много, но они так умно расставлены, не сразу и заметишь. Кричать же об этом на всю Ивановскую бесполезно. Результат — мама надолго осталась без работы.

А Федорович?! Хороший и приличный ухажер, приходя к нам в гости, дарил божьим одуванчикам цветы, каждой отдельно, чтобы не обидеть. Старушки умилялись его галантностью. Все испортила мама, сказав кавалеру, что из него бизнесмен как с нее балерина. И с неистовым женским сарказмом добила: «В бизнесе надо соображать, а не тупить!»

Маме никак было невдомек, что своей категоричностью она травмирует людей, сбивает их с ног. Правда, вообще-то, не всем нужна, с ней надо быть осторожной и аккуратной, как с коброй, которая смертельно ужалит любого, кто неумело с ней справляется.

— Как идиотка, Ирэн, ты безупречна, — вырвалось в сердцах однажды у Марго.

— Я умнее многих, — стояла на своем мать.

— Незаметно, — неслышно констатировала Гера.

Не жалела мать и меня.

Когда тетушки восторженно говорили, какой я замечательной и послушный ребенок, мать морщилась. «Ребенок предателя не может быть хорошим», — выносила она свой безжалостный вердикт. Марго объективно возразила:

— Он ушел от тебя от большого разочарования. Мужчина, чья гордость пострадала, похож на раненого зверя, несущегося через лес.

— Марго, ты меня с ума сведешь своими умозаключениями, — недовольно отмахнулась мать.

Анатолий Михайлович Валевский родился в 1969 году в Львовской области. Окончил Томский государственный педагогический университет, работает учителем истории в школе. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Дальний Восток». Живет в пгт. Андра (Ханты-Мансийский автономный округ).

— Это весьма сомнительно, — не осталась в долгу Марго, после чего гордо удалилась в другую комнату, оставив мать в небольшом замешательстве.

Я не понимал, почему я ребенок предателя и почему не могу быть хорошим, но слова матери, как брошенное в землю зерно, проросло.

Я напомнил ей ее слова, когда на выпускном вечере, после того, как мне вручили медаль, мать с восхищением сказала:

— Горжусь тобой!

И я не сдержался.

— Сыном предателя?

Мать словно кипятком ошпарили.

— Ты обиделся на меня за эти слова?

— Я их запомнил!

Трудно сказать, но что-то в ней после этого изменилось: она перестала быть столь категоричной или умело это маскировала.

У меня не было детского садика — этого обязательного для такой малолетки, как я, концлагеря. И главное — минимальное количество нельзя. Старушки искренне считали, что нельзя — это детская дискриминация. Всегда с ними в этом был полностью согласен.

Ребенку необходима любовь — у меня она была в неограниченном количестве, да еще и в квадрате. Если же еще и присоединить моих родителей, получался океан и маленький тазик. При чем здесь тазик? Не знаю, возможно, для красного словца или для красоты. Тетушки считали, что красота должна быть во всем, особенно в любви.

Они не любили рассказывать о своем прошлом. На них наступала временная амнезия. Со временем уяснил, она полезна в малых дозах, особенно когда хочется выкинуть из жизни прошлое.

Старушки жили мирно, изредка бранились на кухне, когда я, как им казалось, спал в крепких объятиях Морфея.

Никогда не мог понять, кем семье приходилась Маргарита Генриховна, она же Марго, и Генриетта Галактионовна, она же Гера, отличавшаяся словесным минимализмом. По большей части она молчала.

— Ну, живут себе два белых платочка, никому не мешают, — вырвалось как-то невольно у мамы.

Папа был более точен и, как ему казалось, объективен в этом непростом вопросе.

— Две старухи никак не могут выйти из образа жизнерадостных дурочек...

На что старшая тетушка Маргарита Генриховна очень учтиво и в то же время эмоционально возмущенно заметила:

— Вольдемар, как вам не стыдно, — Марго укоризненно посмотрела на отца, смутив его взглядом. — Мы компаньонки.

На что папа с юмором парировал:

— Компания и в самом деле шикарная. Смотришь на вас и радуешься жизни.

Были моменты, когда папа навещал меня, будучи подшофе, и тетки стояли китайской стеной, не пускали его ко мне, уберегая от глубокой психологической травмы. Им было невдомек, что именно в такие моменты я больше всего и обожал отца. Он был весел, раскрепощен, много играл со мной и говорил, как сильно меня любит и как ему не хватает меня.

Пьяный отец иногда ночевал у меня в комнате. Тетушки хоть и рьяно протестовали, но было достаточно моего взгляда, и они отступали. Отправляли отца в ванную, пока он спал у меня на кровати, обстирывали его, чтобы он утром ушел на работу как человек.

Однажды его не стало. Зашел к нам, отдал тетушкам деньги: «Для Андрейки», еще сказал, что все его достало, особенно жизнь, и побежал по ступенькам вниз. Марго с Герой побежали за ним, я вышел на балкон. Визг тормозов, крики, и я увидел на тротуаре нечто бесформенно-красное, что еще минуту назад было моим отцом.

«Отмаялся», — с горечью произнесли тетушки. Слез на их лицах не было.

Когда я пошел в школу, в боевой путь покорения знаний отправились и тетушки. С Марго я проходил точные науки, с Герой — литературу, историю. Еще был французский, оказалось, что это язык образованного и цивилизованного молодого человека. И обязательная музыка — арфа души, как любила патетично выражаться Марго.

Меня не заставляли быть отличником. Марго сразу заявила: «Не надо бояться плохих оценок, надо бояться плохих знаний», а Гера добавила: «Быть отличником еще не гарантирует, что ты набрался знаний».

На их призывы: «Андрюша, пора садиться за уроки» — всегда отвечал неопределенно: «Сейчас!», на что Марго с досадой отчитывала: «Твое сейчас — временной промежуток от секунды до арифметической бесконечности», а Гера добавляла свои скромные пять копеек, потому что не могло никогда быть, чтобы воспитывала кто-то одна — только вместе.

Когда получал двойки, изображал убедительное раскаяние. Тетушки верили и поочередно глотали валерьянку — было стыдно за себя.

Моя детская жизнь с милыми старушками — это счастливые моменты, из которых складывается радость жизни. Собаки, кошки, хомячки и черепахи — в этой живности меня не ограничивали. «Животные человека воспитывают, а не он их», — с этим утверждением моих воспитателей нельзя не согласиться.

Трудный возраст мы прошли вместе. Корвалол и валидол существенно помогли теткам его пережить.

В университет на исторический мы поступили втроем. Тетушки решили, что им недостаточно послевоенного филологического образования. «Чтобы не достала деменция или Альцгеймер, надо тренировать мозги!» — боевито заявила Марго. Гера всецело ее поддержала. Мои любимые старушки все делали в унисон.

Иногда мне кажется, что тетусек взяли в университет из-за ажурных шляпчиков, в которых они явились, сразившие приемную комиссию наповал. Старушки произвели фурор. Председатель приемной комиссии, принимая документы, негромко выдал из себя: «Однако!» Тетушки восприняли его слова как похвалу.

На первой лекции декан шутливо поинтересовался у них, зачем пришли, Марго с Герой ни капли не растерялись.

— Где еще можно встретить молодого и красивого, как не среди студентов, — резонно заметила Марго.

— И потом, детородная функция у нас еще не отмерла, — ни капли не смутившись, добавила Гера.

Аудитория легла, что придало тетушкам уверенности, что они на правильном пути.

— Вам не показалось, что для учебы у вас чересчур преклонный возраст? — декан не сдавался, продолжая наступление, на что смелая Марго заявила:

— Старость — ты беспомощная лежишь на диване и делаешь под себя.

— Мы до этого возраста еще не дожили, мы все еще в процессе взросления, — расширила границы познания декану Гера.

— Взросления?

— Да, это когда все интересно и ужасно не хочется стареть.

— Девушки, вы даёте, — восторженно произнес декан и заплотировал. Аудитория ему вторила. — Благодаря вам я постигнул: взросление — процесс выборочный.

Тетушки на пять лет стали героями университета, диплом мы получали вместе.

Пришло время, когда я заявил ошалевшей семье, что собираюсь жениться. Мать схватилась за сердце.

Гера, младшая компаньонка Марго, потому что старшей уже было девяносто два, а Генриетте только стукнуло столько же, успокоила маму.

— Ирэн, чего ты так волнуешься?! — тетушка с растроганностью смотрела на оторопевшую мать, теребя в руках любимую тряпичную куколку, с которой никогда не расставалась. Тетушки никогда не называли мать Ириной или Иррой. Только на французский манер. — Мужчина должен пройти краткий ликбез учебно-познавательного брака, потом несколько лет учебно-тренировочного, после чего принять окончательное решение: ему нужна семья или его исключительно интересуют только женские особи.

— Сами-то откуда знаете, если ни разу не были замужем? — с изумлением поинтересовалась мама.

На что Марго с важной невозмутимостью заявила:

— Видишь ли, Ирэн, мы с Герочкой никак не можем прийти к согласию: «Бац» — это глагол или междометие.

— Это так важно? — не удержался и сунул свой нос в разговор я.

— Конечно, — отреагировала Марго, потухшие угольки глаз ожили. — Например: он взял и бац ей по голове, ну это же явно выраженный глагол.

— Вот и нет! Бац — это же междометие и звукоподражание, — отчаянно доказывала Генриетта, которая Галактионовна.

— Герочка, ну ты не права... Как тебе это доказать...

И старушки на глазах не на шутку распалились.

После этого нам с мамой стало окончательно ясно, почему наши компаньонки не нашли себе мужей.

Для семейной жизни очень важно изначально понять: бац — это глагол или все же междометие, да еще со звукоподражанием...

Умерли тетушки в один день. Сначала ушла Марго, к вечеру за ней отправилась Гера.

— Они с блокадного Ленинграда вместе, — утирая слезы, рассказала мать. — Он их свел, когда двенадцатилетние девчужки стояли за карточками. Потом у них была Дорога жизни, потом их поезд, полный детишек и раненых, разбомбили немцы, где-то возле Ростова. Девчонки везде были вместе, как родные сестры, хотя родными никогда не были.

— Кем они были нам?

— Никем!

— Как так? — удивлению не было границ.

— Марго и Гера приютили меня, когда я приехала поступать в Ленинград и не поступила, — слезы застилали глаза матери. — Возвращаться в уральскую глухомань не хотелось. И кому я там нужна была?! Сидела семнадцатилетняя девочка на Московском вокзале и редела, потому что у меня еще и деньги последние украли. И подошли две женщины. И разговорили. И я как на духу все им рассказала. И привели они меня в свою квартиру. И я жила у них. Когда поступила на следующий год и захотела переехать в общежитие, Марго с Герой очень обиделись на меня, что я их оставляю. И я осталась у них.

— Я воспитывался чужими людьми? — потрясению не было границ.

— Эти старушки роднее родных.

И это была истинная правда.

— Они аристократки? — поинтересовался я.

Мать с изумлением взглянула на меня.

— С чего ты взял?

Я неопределенно пожал плечами. Мама поняла мое состояние, тепло улыбнулась.

— Марго и Гера из Питера — одно это уже делало их аристократками.

— Последний вопрос. Мужчины у тетушек, вообще-то, были? — поинтересовался я, набравшись мужества.

Мать рассмеялась.

— Женщина без мужчины, — она призадумалась, — это как ключ без двери. Зачем нужна дверь, если ее нельзя открыть?

Мать больше ничего не сказала, но я ее недосказанность понял. Любовь — это война. Тетушки одну пережили, выжили в ней. Они знали, война — это потери. Допустить этого повторно они не могли, но флирты в их жизни, конечно, были. Они берегли свои ключи, чтобы никто не мог открыть их двери.

Я часто привожу на могилы любимых тетушек своих детей. Рассказываю им об этих необыкновенных старушках.

— Папа, — спросил меня как-то младший, — что тебе больше всего нравилось в тетушках?

— У них напрочь отсутствовало слово «поздно».